

КСЕНИЯ ВЕЖБИЦКАЯ

СЮРПРИЗ

РАССКАЗ

— Это сюрприз.

Так говорили в декабре. Когда спрашивала его о планах на Новый год. И когда её спрашивали друзья, тоже так отвечала, растягивая в томной улыбке пухлые, будто от детской обиды, губы. С тайной радостью подмечала завистливый огонёк в глазах. Конечно, тут любой позавидует — полгода путешествий, подарков и нежных сцен. Уж как ни пыталась поспорить, он всё предупреждал — мягко, но уверенно. И ладно бы старик или любитель выпить, но нет же — волонтёр в кошачьем приюте. Такое вообще возможно? Возможно, чтобы всё это благородство не уравновешивалось досадным недостатком?

Подруга выпускала дым и говорила:

— Конечно, нет. Ты погоди. Вы же не жили вместе. Как поживёшь с человеком недельку, так сразу и узнаешь какой он — неряха, скупец или маленький сынок.

“Нет”, — думала Кристина, но в её душе укоренялась смутная безотчётная тревога.

Узнать подробности сюрприза никак не получалось, Тимур таил загадочное молчание, начинавшее раздражать.

— Какие хотя бы вещи с собой брать? — допытывалась Кристина.

— Возьми удобные, — улыбнулся Тим, разминая её маленькую ножку, уставшую от каблучков.

ВЕЖБИЦКАЯ Ксения Михайловна родилась в 1989 году в Новокузнецке. С отличием окончила Кузбасскую государственную педагогическую академию. Работает внештатным автором в печатных и интернет-изданиях. Публиковалась в журналах “Москва”, “Дон”, “Русское эхо”, “Российский писатель” и др. Лауреат конкурса “Поэзия русского слова” в номинации “проза”. Живёт в Реутове.

Криста измучилась интригой, подруги строили самые разные предположения. Выезжали тридцатого в радостном настроении. Превозмогала любопытство, маясь им, как в детстве. Ехали очень долго, Криста удивилась, что взяла с собой так мало продуктов. “В ресторане будем ужинать”, — подумала она и сладко потянулась, кутаясь в пушистую шубку.

Посыпала белая крупка, вечерело. За окном давно исчез оживлённый предновогодний город, оставлен и чумазый пригород. На скучных полях тут и там зачернели шапки деревенских домов. От монотонной езды Криста задремала.

Очнувшись от лёгкого прикосновения Тима, ощутила странную тревожную тишину, не обеспокоенную ни одним звуком. Двигатель машины затих, они стояли среди белых снегов. Шея изрядно затекла, и девушка недовольно потёрла её рукой.

— Куда мы приехали?

— Пойдём, сама увидишь.

Криста нетерпеливо покинула машину. Вокруг стояла тьма. Только свет из окна искрил огромный сугроб. Она растерялась и даже испугалась.

— Тим, это что за гуашь?

Тимур сделал вид, что не услышал вопроса, и ощупал запертую калитку.

— Есть кто?

Дверь дома скрипнула, и кто-то заторопился к ним, скрипя снегом.

— Приехали?

Из калитки показалось круглое лицо. Не дождавшись ответа, хозяйка крикнула в дом:

— Приехали!

Тимур тепло поздоровался с женщиной в платке.

“А-ля рус”, — подумала Криста.

— Ну, пойдёмте скорее, а то с дороги-то поди устали.

Хозяйка очень суетилась, что-то бубня под нос, пока они шли к следующему дому — настоящему деревянному сруб. Калитка вела к подбитому брусьями крыльцу.

— Вот и пришли, вот домик-то.

Криста не нашла слов. Круглая женщина привела их к древнему деревенскому дому. Пахло влажным сеном и снегом. Надтреснутые брусья зияли чёрным.

— Ну, заходите, мы натопили, погреемся.

В проёме пришлось низко наклонять голову. Внутри было светло, тепло и сухо. Укутанная серпантином и “дождиком” ёлочка в кадке с землёй распространяла новогодний аромат.

Хозяйка, бодрая женщина в годах, взволновано показывала им дом. В нём оказалось всего две комнаты, не считая холодных сеней. Тимур с вежливым любопытством интересовался. Криста безмолвно замерла на крашеном полу, к ногам в капроновых чулочках крался холод, проникающий сквозь дерево из земли.

— Ох, не замерзли бы, — оглядела хозяйка гостей. — Вам принести чего, носков у нас вязаных девать некуда, валенки есть.

— Спасибо большое, Антонина Мироновна, мы как немного освоимся, скажем обязательно, — улыбался Тимур.

— Ой, да какая Мироновна, баб Тоня — и всё тут, — отмахнулась хозяйка и засуетилась. — Голодные? Сейчас, несу-несу.

Когда баб Тоня скрылась, Криста готова была взорваться.

— Тим, ты шутишь, да?

— Тебе понравится, — отвечал он уверенно.

— Понравится что — этот сарай? — Догадка вытянула ее лицо. — Ты что, планируешь здесь Новый год праздновать?

— Подожди, вот увидишь, как здесь красиво. Не хуже, чем на горнолыжных курортах, я, кстати, лыжи взял...

— Я просто не верю, — Криста высвободила свои руки из его тёплых ладоней. На глаза наворачивались слёзы. — Вот так сюрприз! Действительно, сюрприз.

Тимур мягко обнял её за плечи и произнёс примиряюще:

— Я обещаю — тебе понравится, ты ещё не знаешь, какой нам завтра предстоит праздничный ужин!

— Никакого ужина не будет, поехали домой, Тим, это не смешно. Отвези меня домой! — повысила она раздражённо голос.

Тим не успел ответить; в сенях скрипнула старая дверь, показалась распорочная хозяйка.

— Вот, принесла, принесла, — говорила она чуть нараспев, выгружая котелки на стол. Тимур бросился ей помогать. — Для гостей у нас тут самовар есть, вот краник-то. Чайник тоже есть, но в нашем доме только-то.

От запаха еды в желудке сладко заныло, Криста неохотно приняла приглашение перекусить. На вышитую белую скатерть баб Тоня сервировала красивые винтажные тарелки.

— Ну, кушайте. Я вас больше не буду беспокоить, вы, если шо, сами-то к нам заходите, если шо надо-то.

Тимур сердечно отблагодарил хозяйку, которая немного боязливо поглядывала на молчаливую недовольную гостью. Ещё немного посуетившись, она наконец оставила их.

Криста с подозрением покосилась на дымящийся котелок.

— Жаркое, — пояснил Тим, он уже успел наложить себе полную тарелку и нетерпеливо принялся за дело.

Голод взял своё. Со вздохом Криста протянула холёную ручку к деревянному черпаку. Хмыкнула.

— Аутентично, — продолжал Тимур. — Представь, что ты в гостинице. Только вот такой натурально русской.

— Не хочу представлять, — капризничала Криста, пробуя на зубок ароматный кусочек. Жаркое оказалось горячим и очень вкусным. Пришлось есть. — Закончим и уедем.

Тим положил ложку.

— Ну, не будь ребёнком. Завтра при свете увидишь, как тут здорово. Покатаемся на лыжах.

И добавил, подумав:

— Тут животные есть, тебе же нравятся лошади.

— Мне не нравится идея справлять Новый год в какой-то глуши с лошадьми, — снова повысила голос Криста. — Я просто не представляю, что расскажу всем, как я тусовалась в деревне на конюшне!

— А тебе так важно, что *все* подумают? — Тим положил вилку и очень внимательно взглянул на девушку.

Криста не сконфузилась.

— Да, мне важно, представь себе, мне важно, где и с кем я провожу праздники.

Она ворчала ещё некоторое время, разговор зашёл в тупик. Наконец, Тим сказал:

— Ну, куда мы сейчас поедем на ночь глядя, дорога скользкая, да и я устал. Давай завтра, если тебе тут совсем не понравится. В чём я сомневаюсь.

Криста колебалась, но пришлось уступить. И правда, уже поздно. На том и сошлись.

После ужина Криста хотела проверить лайки в Инстаграме и полистать ленту. Но её ждал ещё один сюрприз.

— Вы что, серьёзно?! — интернета на телефоне не было вовсе, да и связь ловила только на улице. — Ну, прекрасно!

Тим сладко потянулся на кровати.

— Отдохнём без интернета. Ты же сама мечтала, чтобы нас никто не беспокоил.

— Ты издеваешься? Тут каменный век какой-то.

Криста маялась и мёрзла. Со скуки листала старые фотографии в телефоне. Это она в Европе. Это она в Азии. А теперь она здесь.

Криста навела объектив телефона на стол. Потом на кровать. Выходило бедно и некрасиво. Стало грустно. Тим задремал. Казалось, окружающая

тишина давит со всех сторон, словно толща воды. От этой тишины, не прерываемой ни шуршанием шин, ни дребезжанием трамвая, ни лаем собаки или смехом прохожих, стало жутко. В тишине в голову приходили мысли. Криста не привыкла рано ложиться, и долго, после того как отыскала деревянный умывальник над ведром и переделалась в шёлковое домашнее, скучала и вздыхала. В постели было неудобно, и она толкала Тимура, пытаясь его разбудить. Передумав свои маленькие мысли и возненавидев всё вокруг, Криста уснула в тревоге.

Спала долго и тщательно. Ватное стёганое одеяло грело надёжно, и Криста нежилась, пока не открыла глаза и не вспомнила, где находится. Подушка Тима сиротливо пустела, прогнувшись ямкой от головы. Со стены смотрели старые советские чёрно-белые портреты: юная большеглазая девушка, муж и жена — серьёзные, не улыбкающие, человек в шинели, маленькая девочка с бантом. Детское ощущение праздничного тридцать первого декабря сладко свербело где-то внутри. Криста села, кожу обжог холод, видимо, печка давно уже остыла. Перепрыгивая с ноги на ногу и стуча зубами, добралась до умывальника, и на мгновение кожа онемела от ледяной воды.

Умывшись, стала деловито собираться. Куда же Тим запропастился? Со стола исчезла грязная посуда, зато появились олады и стопка крутляшковых блинчиков. Отвернула брезгливо — завтракать жирным тестом? Ну уж нет.

Во дворе скрипнула калитка. Криста сделала обиженное бескомпромиссное лицо. Но вместо Тима в дом с ведром угля протиснулась баб Тоня.

— Ну, слава Богу, я уж испугалась, что разбужу — буду ведрами греметь. А не затоплю — замерзли бы совсем. Как спалось, хорошо?

Баб Тоня была обезоруживающе дружелюбна, и грубость застряла у Кристи где-то между языком и губами.

— Да... Прохладно только.

— Ой, да это ничего, сейчас натошим-то, печка быстро разойдётся. Снегу навалило-то, — приговаривала баб Тоня, подкладывая уголь в печь. — Ёле к вам тропинку-то расчистили! Муж ваш лопату у меня отобрал, сам, говорит, буду чистить! Хороший человек, — хозяйка искоса посмотрела на Крису. Девушка торопливо отдернула краешек занавески и ахнула.

— Замело!

— Да, да, замело, — вторила баб Тоня. — Теперь ни одна машина не проедет, пока Геннадьич не очнётся. Хорошо, что вы до четвёртого. К четвёртому-то поди протрезвеет! — Баб Тоня залилась громким задорным смехом.

— Да вы что, — выдавила из себя Криста, готовая взорваться в ту же минуту. Она вышла вслед за хозяйкой на крыльцо и остолбенела на пороге. В слякотном городе, скупом на снегопады, никогда не случалось столько снега зараз. Пушистые снежинки заполонили небо, было немного пасмурно, но от снега в преддверии новогодней ночи всё казалось праздничным. Сугробы давно превысили шокирующую горожанина отметку "по пояс". Из калитки, наконец, показался Тимур в ярком лыжном костюме. Он лучезарно улыбался и не скрывал радости. Крису это разозлило ещё больше.

— Доволен? — мрачно спросила она.

— Ты погляди, этот снег — что-то невероятное! — Тим подхватил девушку и закружил.

— Да пусти меня! — Криста вырвалась и убежала в дом. Там она подхватила собранную сумку и поспешила к калитке, игнорируя просьбы Тима прекратить истерику и объять красоту зимнего мира. За неуместный романтизм Тим был незамедлительно назван дураком. Пусть сами тут празднуют, в этой деревне! Она здесь оставаться не намерена. Подумаешь, дорогу немного замело, не первый день в северной стране живём.

Криста с трудом открыла калитку. Сухое дерево трамбовало снег. Машина была заботливо откопана по периметру, но впереди, словно белая стена, вырос сугроб.

— Ну куда ты, ну? — спрашивал Тим из калитки.

— Домой! — Криста села за руль и бурно разрыдалась. Тим молча устроился рядом и стал гладить её по руке. Криста разразилась упрёками:

и Новый год он ей испортил, и сюрприз у него никудышный, и дом этот грязный, холодный, и не хочет она в него возвращаться, и полночь будет тут встречать — в машине! Глядел на неё почти с жалостью, утешал, но его упрямый оптимизм действовал на нервы.

Надоело уговаривать, тропинка в дом хрустко освежилась следами. Кристу хватило на сорок минут. В машине стало скучно, и она отправилась сердиться в дом хозяйки, намереваясь устроить образцовый скандал с критикой сервиса. У дома Криста услышала сладковатый земляной запах сена и навоза. Подозрительный шорох заставил остановиться у крыльца. Девушка оглянулась и увидела прямоугольную коровью морду. Криста показала ей язык. Корова сделала вид, что это её не касается.

В доме хозяйки было всё по-другому. В отдельной комнате перед входом теснились бидончики, накрытые сверху марлей, от которой исходил кислый дух. Всё это казалось непонятным. Криста вошла без стука, из-за шума её не заметили. Праздничные ароматы атаковали со всех сторон — она явно ощущала запах поджаренной мясной корочки и в то же время сдобного пирога, смолу еловых ветвей и что-то ещё, неуловимое, словно запах новой иллюстрированной книжки из детства.

Тепло дома окружило её, и замерзающие второй день ноги моментально согрелись. Тим по уши закопался в муку и тесто, и с таким задором хохотал, что Криста чуть не задохнулась от зависти.

— Ктой-та? — вскрикнула вынырнувшая из соседней комнаты юркая маленькая старушка, которую Криста до смерти напугала. Она едва не выронила горшок, бережно укутанный в несколько полотенец. — Тоня-я!

— Ой, это же Кристина, — Тимур наконец-то выглянул из мучного облака.

— Проходите, проходите, — крикнула баб Тоня, окружённая, словно генерал, армией комочков теста.

— Нет, ну послушайте, — начала Криста строгим голосом, не поздоровавшись. — Мне, например, нужно уехать в город сейчас, я что, не могу это сделать?

— А шо, Тоня, звони Геннадьичу, — хлопотала маленькая старушка, с невероятной проворностью для своих лет управлявшаяся по дому.

— Да толку-то, баб Паш, — отвечала хозяйка, отряхиваясь от муки, — он в запое ещё со среды. — А шо случилось-то?

— Мне нужно домой, — чеканила Криста сквозь зубы.

Геннадьич не отвечал. Баб Тоня пожимала плечами, тыкая в кнопки телефона допотопной модели.

— И что, без Геннадьича вашего никак? Нет у вас райцентра или трактора какого-нибудь?

— Да какой райцентр! — всплеснула руками старушка. — Раньше сорок два человека на покос ходили. А щас в деревне никого не осталось ведь. Мы да три дома. Летом приезжают на дачи. Зимой-то никого нет, — и громким шёпотом баб Тоне:

— Чой-то она нервничает, Тоня, ты погляди, шо случилось мож?

— Вы не заболели? — тревожилась хозяйка. — Погодите, может, завтра проспитесь-то Геннадьич, я сразу его к нам пошлю, расчистит он, только у него техника-то.

— Спасибо, — кривилась Криста, пятясь к выходу.

Вернулись в дом. Хмуро заявила Тиму, что хочет есть, и принялась яростно истреблять горку холодных тончайших блинов, как назло отчаянно вкусных, но вкуснее всего была сливочная домашняя сметана — густая и сладкая, как крем. Хорошо, что её фитнес-тренер не видит.

А потом и обед подоспел.

Криста предавалась отчаянию. В домике не было даже телевизора. Оказывается, никто здесь телевизором не интересовался. Связь ловила с трудом. Криста набрала номер, но голоса прерывались, слова нещадно кромсало, в трубке булькали обрывки фраз. Тим подвергался упрекам и гневным взглядам ежеминутно, но не сдавался. Он продолжал смаковать будущую поездку на лыжах по окрестностям и праздничный новогодний ужин.

Как-то незаметно наступил вечер. Самый магический вечер в году — канун Нового года. Обычно Криста праздновала Новый год в красивом платье, с друзьями, в роскоши, с музыкой. Здесь же стояла тишина, помноженная на абсолют. Тишина раздражала. Всё раздражало. Особенно неуместный романтизм Тима. Со стены прямо в душу смотрели старые портреты. Криста поёжилась.

Снег продолжал обуревать землю с неслыханной щедростью. Сугроб почти дорос до окна. Не перестававшую капризничать Кристу снабдили тёплой “тужурочкой” для дома и чуть ли не дюжиной огромных шерстяных носков всех расцветок. Наконец, согрелась. Пока ждали ужина, Тим предложил сыграть в игру для влюблённых. Нужно было вытаскивать карточки и отвечать на вопросы. Криста неохотно согласилась. Но и здесь не задалось. Выяснилось, что Тим знает о Кристе всё, а она вроде как про него совсем мало. И как ни хмурила лоб, сжимая карточку “Его любимая музыкальная группа”, не могла вспомнить, а от этого ещё больше злилась.

Вечером баб Тоня накрыла удивительный стол, которому позавидовал бы самый вьедливый специалист по русской кухне. Криста даже немного разве-селилась.

— Я-то думала, русская кухня — это пельмени и гречка, — удивлялась она, осторожно пробуя.

— Говорят, это русское фуа-гра, — вдохновенно рассказывал Тим, большой любитель гастрономических историй.

Баб Тоня смущённо отмахивалась. Казалось, снег вот-вот засыплет окно. Печка уютно потрескивала, прогорала, отдавая жар в дом. На ёлочной ветке покачивался разноцветный петушок. Криста только сейчас заметила, что все игрушки, украшавшие их ёлочку, были очень старыми. Как и всё здесь. Отчего она так злится? Отчего столько мыслей в голове — беспокойных? И скучно от этого, и плохо. И накатывает тоска. И телефон сел. Она то принималась размышлять о работе. То о Тиме. То о подружках. Ведь они всегда поздравляли в мессенджерах. Но никто не звонит. В полночь позвонить догадалась только мама, но связь прерывалась. Отчего ей никто не звонит? Криста успокаивала себя — да просто все написали, а она не видит, интернета же нет. Но всё же хорошо, чтобы кто-то позвонил. Никого. И заснула. Впервые в жизни не гуляла в новогоднюю ночь до утра, пока всё шампанское не выпито, все танцы не станцованы, все кости не перемыты. Просто уснула, едва минутная стрелка перевалилась в Новый год. Раз и всё. Как в детстве, когда ждёшь этого момента весь вечер — так томительно и сладко.

* * *

Просто лежать и смотреть, как на ёлке от потока горячего печного воздуха раскачиваются спиральки серпантина. Просто лежать. Как давно она не валялась вот так без торопливых сборов. Без ленты в телефоне. К утру снегопад, наконец, успокоился, и за окном мерцало тихое морозное январское утро. Тим уже вовсю уговаривал её пойти с ним на лыжах.

Криста впала в странную апатию и наотрез отказывалась покидать нагретое одеяло, хотя каталась недурно, они часто ездили с друзьями на курорты. Заботливая баб Тоня принесла праздничный завтрак, от ароматов у Кристи защекотало в желудке. Почему-то вспомнилась бабушка. Своя бабушка, которая уже давно умерла, когда Криста ещё училась в школе. Она тоже вставала спозаранку и готовила для них с сестрой блинчики. Криста плохо помнила, но где-то внутри всё равно стало тепло.

Баб Тоня снова звонила злосчастному Геннадичу. На этот раз абонент был недоступен. Тим уговаривал пойти с ним даже дольше, чем следует, но потом, насупившись и погрузнев, ушёл в снежную белизну один. Стало очень тихо. Криста невольно прислушалась. В печи временами раздавался сухой треск. Поскрипывал старый дом, будто живой. Портреты со стены опять уставились на неё с укоризной. Криста вздохнула. Вскоре она пожалела о своём упрямстве — в доме нечем было заняться, и девушка тоскливо

смотрела в окно на застывший зимний пейзаж. Снег переливался на солнце, поблёскивал, пушился сугробами.

Как же непривычно! Кристе хотелось на работу. И к друзьям. Взяла телефон. Ни одного сообщения. И звонка. А вдруг она нужна на работе... кому-нибудь, а этой чертовой связи нет! “Никто тебе не писал, никто тебя не ищет”, — шепнул противный голосок внутри. Что за кошмарный Новый год? Тима не было очень долго. Когда он вернулся, весь румяный с мороза, горячий, живой и счастливый, Криста достигла крайней стадии тоски. Начав очередной монолог упреков, сама не заметила тяжёлых гранитных слов, которые вдруг сорвались с красивых губ. Тим как-то сник на глазах, сдался. Ничего не ответил. Посмотрел на неё только один раз с немым вопросом: “Ты действительно так считаешь?” — “Да”, — вздёрнула брови Криста. И он ушёл сушить мокрые после улицы вещи. И больше не приставал ни с развлечениями, ни с уговорами. И стало совсем гадко. И ещё более тихо. Криста слушала эту тишину, когда Тим сел читать книгу. Портреты на стене насупились.

А потом был другой день. И ещё один. Криста сама звонила Геннадью. Звонила ещё куда-то. В эвакуаторную службу даже. Все сговорились не отвечать. Хотя по одному номеру ответили, что такой деревни нет на карте. Тим молчал. Криста так соскучилась одна, страдая от вынужденной немоты, что даже отправилась в хозяйский дом. Тима там поили чаем. Криста отказалась и забилась в самый дальний угол стола.

— Вот так мы и обустроились, — рассказывала баб Тоня об открытии туристического домика в стиле “русская деревня”. — И печка в доме была настоящая, ничего переделывать не пришлось, только крышу латали, побелка, пол чинили. Кой-какую мебель меняли. Вот нам из города привозили даже старинное.

— Что же, баб Тоня, и иностранцы к вам приезжают? Я в отъездах видел.

— Приезжают, приезжают. Один вот был до вас, дай Бог памяти, имена-то нерусские... Патрик, вспомнила. Патрик был. Петя, как баб Паша назвала. А до этого вот два друга приезжали. Так они, прощаясь, чуть слёзы не лили. Напугали Галю в сельпо-то, как заявили! И давай ей на иностранном-то. А там какой иностранный! Там по-русски хоть бы владела, два слова-то связать. Скупили у ней полмагазина, нам говорят: на, бабúшка. Так и говорят они — бабúшка. Кушай, бабúшка, дорогая. Так баб Паша запричитала. Все слезами обливались, никак расстаться не могли. Не думала сразу, что иностранцы такие. Телевизор-то послушать, нас все бомбить хотят, а тут вот на тебе, бабúшка.

Бабúшка в разговоре не участвовала. Баб Паша в толстых очках смотрела телевизор, изредка делая ремарки по поводу артистов новогоднего концерта. Криста тоже стала смотреть, краем уха слушая Антонину Миронову. Та рассказывала, изредка поднимая зазорные искорки глаз от вязанья. На столе перед ней лежала почти законченная исполинская варежка.

— Зимой-то? Да когда нам скучать. За скотиной столько ухода. Мы много не держим. Где мне одной справиться? Баб Паша уже слепая, за ней самой скоро уход. Да и гости. Когда гости, это ж завтрак сделать, то сделать, тесто, у-у, — машет рукой. — В городе, может, и скучно кому. Нам не скучно.

Криста не верила.

На следующий день Геннадич протрезвел и вспомнил о существовании телефона и засыпанных снегом жителей соседнего села. Было ещё совсем рано, когда Криста услышала его шумный мотор. Пока она спешно собиралась, Тим возился с найденной где-то гитарой, тихо напевая в другом конце комнаты:

*Снегопад к утру успокоился,
Устелил подоконник ватой.
И сияет дорога дальняя,
Вся раскатанная снежокатами.*

Он остановился, чтобы немного натянуть струну. Потом продолжил тихо, но приятно:

*Не поехать ли нам за счастьем?
Вдруг оно за опушкой прячется?
В белом тереме, в красных валенках,
Улыбается, отворачивается....*

Музыка прервалась стуком в дверь. Всегда хлопочущая баб Тоня объявила, что дорога до большого шоссе свободна от снега. Можно ехать. Кристина сдержанно поблагодарила её и сама села за руль, когда Тим закончил со всеми прощаться.

Мерно шумел двигатель. Тим смотрел в окно. Кристина отмахнулась от уколов совести. Она ощущала злость за деревенское заточение. Не терпелось скорее узнать последние новости, повидаться с друзьями, стряхнуть пыль с платьев, накупленных к праздникам.

В самое лучшее платье она не влезла. Подруга ухмылялась:

— Ничего так кормили в деревне, я смотрю.

Кристина злилась ещё пуще. Какое счастье, что Тим не звонил, уж она бы ему опять всё высказала. Через время вспомнила о нём. Даже хотела написать. Но отвлеклась и забыла. Она никогда не испытывала недостатка в мужском внимании. А Тим сделал всё неправильно. Сюрпризы так не делаются. Только неприятные. А неприятных сюрпризов никто не любит, это всем ясно.

— Ясно, — поддакивали подружки.

* * *

Кристина нравилась себе в этом блестящем платье. Мир кружился под музыку, и она парила над ним. Лёгкая на подъём, такая яркая, талантливая, ещё юная, ещё тонконогая, летящая, ещё уверенная, что её лето никогда не кончится. Лето...

У неё было столько планов, когда позвонила мама. Кристина держала трубку, и краски мира блёкли, хотя день стоял ясный. Веру прооперировали. Срочно. Опухоль. Вера старше Кристины всего на четыре года. Она молодая, сильная и со всем справится. Мама молчала в трубке, потом начала всхлипывать.

Не работалось. Кристина всё ещё держала в руках телефон, взгляд мутнел в оконном стекле. Она поедет к ней в больницу сразу после работы. Сразу поедет. И купит апельсинов. Или что полагается возить в больницу. Опухоль вырезали, теперь всё будет хорошо. Главное, что её вырезали. Почему Вера не рассказала? Вера так может. Она не болтун, как Кристина. Вера серьёзная. У неё хорошая работа. Престижная. Но другая, не такая, как у Кристины. Им всегда нравились разные вещи, но они держались друг друга. Мы — семья, такое правило.

В больнице совсем другой мир — тихий. Кристина сразу вжала голову в плечи, так здесь было неуютно. Вера лежала в реанимации. Она держалась хорошо, даже шутила. Мама постоянно плакала, промакивая отёкшие глаза и теребя бумажный платок. Вера просила не плакать, ведь операция прошла хорошо, осталось только подождать. Узнать, что рецидива не предвидится.

Всё пошло не по плану. Мамины слёзы полились нескончаемым потоком, а Кристина растерянно наблюдала, как её живая и красивая сестра на глазах превращается в бледно-серую тень. Кристина постоянно терроризировала врачей: не найти ли хороший препарат, не сдать ли кровь, не попробовать ли другой метод лечения. Врачи медленно выдыхали воздух из лёгких. Потом слегка наклоняли голову и чуть виновато объясняли: она, Кристина, ничего сделать не может. Но они, врачи, делают то, что сейчас необходимо.

Когда Веру положили в хоспис, мама запила. Кристина никогда в жизни не видела её такой. И ещё она остро чувствовала, что должна быть с сестрой.

Начальник, хоть и знал о причине постоянных отгулов, начал прозрачно намекать, что Кристина не справляется со своими обязанностями. Молча слушала, не чувствуя сил возразить или попросить отпуск сейчас — в разгар сезона.

Однажды Криста вернулась из хосписа домой и пожаловалась на усталость. В голове воспалённо пульсировало, пока она расстёгивала пуговицы затвердевшими негнушимися пальцами. Мужчина, с которым они в то время жили вместе, поставил сериал на паузу.

— Знаешь, — сказал он, отрезая кусок диетического белкового блюда для наращивания мышечной массы, — я слышал, что девушка не должна вываливать на своего мужчину проблемы. Только ласка. Только всё хорошо. Мужчина должен быть доволен.

Кристина на мгновение застыла на месте, переживая, пока услышанные слова перестанут жечь нутро так сильно, что не набрать воздуха. Мужчина ел своё блюдо. Криста обулась обратно, взяла сумку и медленно вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Кажется, вслед что-то кричали, не разобрала. В тот день она впервые рыдала на улице, как те плачущие женщины в метро, от которых все жалостливо и брезгливо отворачиваются.

Все хлопоты, связанные с похоронами, пришлось взять на себя. Память, как мутные кадры из кино: вот она кричит на мать в утро похорон, а та дышит в ответ горьким спиртом; вот раздаёт свои сбережения серым похоронным менеджерам; вот равнодушно принимает соболезнования, не глядя никому в глаза. Кажется, что она сама мертва, но вынуждена оставаться на земле, потому что некому больше хоронить Веру.

Когда всё закончилось, она отправила маму на такси домой. Опускались летние сумерки. Мягко тускнел до невозможности ясный тёплый день. Кладбищенская зелень умиротворяюще шелестела. Почему всё не так, как в романах, когда герою плохо и льёт дождь, небеса разверзлись и “слёзы слились с каплями дождя”? Почему? “Потому что это не роман”, — ответил тихий внутренний голос.

Кристина села за руль. Посмотрела перед собой. Потом поехала. Ближайшее шоссе показалось ей смутно знакомым. Она направилась по нему в область. “Только не домой”, — просило всё внутри. “Ладно”, — ответила Криста. Ехала. Сначала наугад, инстинктивно. Потом целенаправленно в это место по указателям. Летом оно оказалось совсем другим. Всё зеленело и благоухало. Остановившись возле знакомого дома, Криста вышла из машины. Калитка была открыта. Девушка тихо вошла и села на расписанный пень во дворе. Только теперь она почувствовала усталость — руки и ноги, а пуще всего голова весили тонну, тело оцепенело от тяжести.

В сених зашуршали. Баб Паша схватилась за сердце.

— Тоня! Тоня-я! Ты погляди, кто-та там сидит!

Баб Тоня выглянула в распахнутое окно. Прищурилась. Потом узнала и всплеснула руками. Через минуту Криста уже плакала у неё плеч. К удивлению Кристины, хозяйка не собиралась её прогнать после стакана воды с валерьянкой. Мало того, уговаривала остаться в гостевом домике.

“Денег не надо”, — отмахнулась баб Тоня. Предыдущие гости съехали, а следующих ещё нет, и на ночь домик пустовал. Криста не собиралась оставаться, но скоро сдалась. Совсем стемнело. От валерьянки она отупела и едва могла выговорить слово. Старушка разогрела еду, но Кристина отказалась. Все внутренности заполнила пульсирующая боль, и для еды не осталось места, хотелось лечь.

Баб Тоня под руку отвела её в дом и заботливо расстелила чистую постель. Ёлку с игрушками сменили пучки полевых трав, источающие земляной аромат. Хозяйка наполнила умывальник, тихо бормоча под нос. Едва Криста оказалась на хрустящей от чистоты простыне, как тело одолел свинец. Не было сил даже, чтобы улечься поудобнее. Обняв колени и скрутившись в маленький, полный боли комок, Кристина уснула.

За деревом стены пел петух и шла своя летняя жизнь. Проснувшись, долго не шевелилась, боялась начать жить, снова чувствовать. Комната была та же, но казалось, прошла вечность с тех пор, как Тим привёз её сюда

на зимние каникулы. Со стены сочувственно глядели знакомые портреты, и Кристина вдруг явственно ощутила тепло их ушедшей жизни. Удивительно, подумалось ей, всего лишь портрет, а сколько за ним скрывается чувств и переживаний длиной в жизнь. Ведь у этого человека был свой мир, и любовь была, и сны, и свои заботы. Тут же внутри словно что-то разорвалось — мама. Она забыла вчера позвонить маме. Погибая от вины и стыда, Кристина искала телефон. Почему никто не звонил? Потом вспомнила — связь здесь плохо ловит. Мама, наверное, обыскалась.

Криста поторопилась на улицу, но на крыльце невольно остановилась. В безоблачном небе мягко стелилось тёплое летнее утро. Воздух уже наполнился жужжанием шмелей и пухлых мух. Кристина взобралась на небольшой холм. Трава мягко касалась её ног, не жала, и солнце согревало тонкие холодные руки. С пригорка открывался зелёный вид, и Криста медленно вдохнула, словно выпила травяной, древесный воздух. В телефоне несмело обозначилась маленькая палочка связи. Но пропущенных звонков не оказалось.

Мама ещё спала. Не искала. Слава Богу. Чуть полегчало. Где она? Она в порядке. Хорошо. Борясь с головокружением, Кристина прижалась к тёплому, шершавому стволу дерева. Так и застыла, обнимая его, и боль из воспалённого виска по капле уходила в кору.

— Тоня-я, Кристина тут.

— Я только спасибо сказать и поеду, — тихо произнесла Кристина на пороге хозяйского дома.

— Куда поедете-то, покушайте у нас сначала, — баб Тоня настаивала, и Криста не возражала. — Шо ж вы рано так проснулись, я бы вам принесла завтрак-то. Вон какая бледненькая! — Хозяйка суетилась вокруг гостыи, с поражающей быстротой накрывая стол.

Кристина вдруг обнаружила внутри свербящий голод и накинулась на оладьи.

— Настояшшая, — баб Паша поставила на стол густую домашнюю сметану.

— Кушайте, — заботилась хозяйка.

— Молоденькая? — вдруг спросила баб Тоня, когда Кристина закончила есть. Криста поняла.

— Только тридцать два года, — уставшие глаза вновь затянуло солёной влагой.

— Ой, молоденькая, — сокрушалась хозяйка. — Вот пошто медицина у нас все болезни лечит, а это не лечит? Пошто люди умирают такие молодые? И богатые, и бедные. И деньгами ведь не вылечить-то.

— Шо денги, от денег этих заботы одни, — вторила баб Паша, с проворностью фокусника очищая лесные грибы.

Хозяйка вдруг извлекла из кармана мятый платок и принялась промакивать глаза.

— Нина, покойница, сестра моя, когда умерла... — баб Тоня махнула рукой, не в силах продолжать, и спрятала лицо в платке.

Кристина положила ладонь на её шершавую сильную руку. По щекам ползли разъедающие кожу слезинки, которые срывались у подбородка и капали на колени.

Баб Тоня высвободила руку, чтобы высморкаться, и продолжила:

— Она, старшая, всегда строжилась, когда я ещё такая была, — хозяйка махнула рукой к полу, — Тоня, делай это, не делай то, Тоня, учись хорошо. Не обижала никогда. Но сама намучалась, намучалась... Муж у ней пьяница был, пропил машинку её, машинку швейную, от матери досталась. Таковую уж не найти, да и где там. Уж когда она помирала, говорила: “Высвободилась я, Тоня”. И дом тот, — баб Тоня кивнула в сторону гостевого домика, — нам от ей перешёл. Деток не было у них.

Баб Тоня снова спрятала лицо в платок.

— Тоня, ты прекрашай, — строго сказала баб Паша, кинув очередной гриб в маленький тазик. — Я смертей этих столько повиديвала, не дай вам Бог, не дай Бог... И муж помер, и сын помер, и братья, зятя. Слёзы все выплакала, что у-у... а когда горевать-то, когда? В утро корова мукает

недоеная. Пойдёшь, пойдёшь, слёзы у-у, а доишь всё равно. Полю грязные. Малые исть просят. Живая ты и не плачь, не плачь. Шо слёзы-то, шо? Богу лучше поди знать, кому когда помирать. Я вот скоро тоже помру. Всё не помираю.

— Баб Паш...

— Всех пережила бабка, и ты сможёшь, Христина, — в помутневших глазах старушки Криста обнаружила твёрдую уверенность в правильности хода жизни. Как ни в чём не бывало, та вернулась к своим грибам, да и баб Тоня, смахнув последнюю слезу, засобиралась на огород. Кристина не поддавалась уговорам остаться. Она знала — дома её ждёт мама, горе которой ещё больше, ещё глубже, ещё неумнее и страшнее.

— Такой хороший парень с вами тогда был, — сказала вдруг баб Тоня, прощаясь.

— Да как-то не сложилось, — ответила Криста, теребя сумку.

— Жаль...

— Я сделала нехорошо, — призналась девушка.

— А вы от сердца попросите прощения.

Кристина молча кивнула.

Напоследок присела на деревянную скамейку у забора. Беззаботно жужжало летнее небо. Внутри было странно пусто. Убаюканная боль улеглась пониже, томилась. Кристина знала, что та нескоро оставит нутро, но в эту минуту наедине с собой и летним, не обезображенным городом небом на миг ощутила покой.